

М. А. Гераскин

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С б о р н и к V

Памяти В. А. Жуковского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

П. П. БУШЕВ

К ВОПРОСУ О ПЕРВОЙ ПОЕЗДКЕ В. А. ЖУКОВСКОГО В ИРАН (1883—1886 гг.)¹

В формировании Валентина Алексеевича Жуковского как востоковеда-ираниста большую роль сыграла его трехгодичная научная командировка в Иран.

После окончания факультета восточных языков Петербургского университета (1880) и получения степени магистра персидской словесности (1883), Жуковский был командирован университетом в Иран. Цель поездки молодого ученого — совершенствование в персидском языке и сбор диалектологических материалов для докторской диссертации. Кроме того, Жуковскому было поручено приобрести персидскую литературу (по возможности рукописи).

Выехав из Воронежа 4 мая 1883 г., Жуковский в начале июня прибыл в Тегеран. Здесь он был хорошо встречен работниками русской дипломатической миссии.

Для выполнения своей научной программы Жуковскому необходимо было получить доступ в библиотеки, которые в те времена принадлежали частным лицам. Проникать в такие библиотеки можно было лишь благодаря высоким связям. Однако русский посланник и драгоман миссии Григорович недостаточно содействовали в этом Жуковскому, и он с горечью писал Розену, что ему приходится завязывать знакомства с владельцами библиотек через своего учителя-муллу².

В письмах Жуковского имеется интересный материал о жизни и быте членов русской миссии и консульств в Иране. Не без осуждения в одном из них он писал о чиновничьем отношении дипломатических работников к своим обязанностям. Жуковский одобрительно отзывался о тех, кто интересовался жизнью и бытом страны.

¹ В «Очерках по истории русского востоковедения», т. IV опубликована статья о жизни и деятельности В. А. Жуковского.

² Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 2—3.

Например, консул в Реште П. М. Власов работал над географическим и экономическим описанием Ирана, а юрист Панафидин за 9 лет пребывания в стране составил описание ее в двух частях³. А вот Игнатьев, писал далее Жуковский, как и многие другие, «ничего не делает». Даже драгоман Григорович, ближе других соприкасавшийся с населением Ирана, интересовался только кранами, чинами и интригами⁴.

В письмах Жуковского мы находим также описание отдельных деталей тегеранской жизни. В одном из них он писал Розену «по секрету» о знакомстве со старшим сыном Насер эд-Дин-шаха Зилл ос-Султаном — губернатором Исфагана и Ши-раза и об интригах этого претендента на шахский трон. Рожденный от наложницы, а не от каджарской принцессы, Зилл ос-Султан не мог рассчитывать на назначение его наследником шаха. Поэтому, как пишет Жуковский, Зилл ос-Султан готовил почву среди иностранцев в Тегеране, рассчитывая с их помощью взойти на престол после смерти отца⁵.

Описывая салям⁶ у шаха, Жуковский приходит в ужас от бескультурия и грубости нравов придворных: «Это такая комедия, что ни в сказке сказать, ни пером описать»⁷.

В переписке Жуковского с тем же Розеном мы находим характеристику нравов учителей персидского языка. Своего первого учителя он сменил за недобросовестность. По мнению Жуковского, он «слишком понатерся среди европейцев, в особенности англичан, и утерял поэтому много чисто персидского, а во-вторых, до такой степени бывал нагл, что я положительно из себя выходил: ни над какой трудностью, ни над какой ошибкой [он] не задумывается: объясняет во все тяжкие и, как нарочно, в это время начинает говорить особенно быстро, в надежде благополучно миновать подводные камни, но, о ужас! несколько раз разбивался о мое внимание. Я старался его отучить от такой дрянной замашки и слишком дешевой самоуверенности в непогрешимости, но все напрасно»⁸. Другой учитель — Ибрагим Мазендеранский, «странный чудак и оригинал»⁹, был «ярким поклонником Джелял-эддина, суфия, по-

³ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 20.

⁴ Кран — серебряная монета, десятая часть тумана (в современном Иране — риал).

⁵ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 3.

⁶ Салям — прием у шаха, в данном случае по поводу ноуруза (Нового года).

⁷ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 6—7.

⁸ Там же, л. 1. — Письмо от 15. II. 1884.

⁹ Там же, л. 8. — Письмо от 11. V. 1884.

своему существу»¹⁰ и очень образованным человеком и хорошим знатоком маснави¹¹, который интересовался только этим видом стихов¹². С этим учителем Жуковский занимался длительное время. Несмотря на долгое знакомство, Ибрагим Мазендеранский не смог ввести Жуковского в круг персидских писателей и поэтов, так как «они сторонятся русских»¹³.

Первые полгода своего пребывания в Иране Жуковский называл подготовительными, так как занимался совершенствованием разговорного языка, без чего не представлял себе дальнейшей успешной научной работы. «С приглашенным мною ученым туземцем проводил я ежедневно, начиная с октября месяца¹⁴, от трех до пяти часов в беседе по поводу читаемых под его руководством сочинений, стараясь время от времени касаться и других вопросов, чтобы по возможности всесторонне обнимать разговорную речь, не приучая языка и слуха к более или менее однообразным оборотам»¹⁵.

Начав с текста Ферид эд-Дин Аттара, Жуковский перешел к логике и грамматике. «И та и другая, — писал он, — мною усвоена по учебникам, принятым во всех медресе¹⁶ персидских...»¹⁷.

Насколько Жуковский выполнил свою «первую задачу» — «усвоить разговорный язык», видно из того, что уже через шесть месяцев пребывания в Тегеране он мог довольно бегло «поддерживать разговор о чем угодно». Так, на приеме у Насер эд-Дин-шаха он беседовал с ним «без всякой помощи Григоровича»; в связи с этим в городе пошли слухи о возможном назначении Жуковского директором персидского университета Дарольфонун.

Жуковский сообщал интересные подробности, об изучении в персидских школах арабской грамматики. Сборник или свод основ этой грамматики, называемый Жуковским «джам-е», персидскими учащимися-талибами «штудировается самым бессовестным образом от первой страницы до последней, задалбливается

¹⁰ Там же, л. 1. — Письмо от 15. II. 1884.

¹¹ М а с н а в и — разновидность персидского стиха.

¹² Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 8. — Письмо от 11. V. 1884.

¹³ Там же.

¹⁴ Жуковский начал занятия с октября месяца лишь потому, что с июня до октября проживал в Зергенде — летней резиденции русской миссии, в 15 км от Тегерана, где не было учителя нужной ему квалификации.

¹⁵ Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, ф. 17, ед. хр. 10-а, 427, л. 86 (далее — Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР).

¹⁶ М е д р е с е — духовное училище.

¹⁷ Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 17, ед. хр. 10—а/427.

до такой степени, что истинный студент в стенах медресэ не станет с вами вести беседы о предметах, изложенных в... [„джам-е“] иначе, как словами того же... [„джам-е“]. Посетив проездом через Решт одно медресэ и заведя после обычных приростствий беседу о формах арабского глагола, я был немало поражен, когда на мои вопросы талиб подал мне раскрытый... [„джам-е“], а сам, спеша и захлебываясь, начал осыпать меня фразами арабского грамматического трактата. Такое знание названного сборника «на зубок» не исчезает в студенте с разлукою со стенами его... [альма матер], но сопутствует ему и на поприще «муаллима»¹⁸. Я знаю примеры, когда подвизающийся в качестве муаллима¹⁹ 15—20 лет так же свободно излагал на память трактаты по логике, грамматике и пр., как будто он эту мудрость постиг только вчера.

Покончив на время счеты с грамматикой, я вновь обратился к поэзии и взялся за диван Насир-Хосрови Аляви (ум. 534 г.) ...По существу своему моралист, философ и богослов, он в некоторых местах представляется крайне загадочным, благодаря смелости в мыслях и выражениях, мало чем уступающих избранному перлам Омара Хайяма. К моему глубокому сожалению, я должен был скоро оставить его диван, потому что весьма многое, несмотря на наши соединенные усилия, оставалось непонятным, и я не решаюсь положительно сказать, виновата ли в этом не особенно хорошая рукопись, или своеобразный язык, полный идиотизмов (т. е. идиоматических выражений.—П. Б.) и слов, на которые подчас не дают никакого удовлетворяющего значения имеющиеся персидские лексиконы. Что касается вопроса о сличении манускриптов, то здесь его нужно поднимать с большою осторожностью. Правда, иногда случайно можно напасть на желаемую рукопись в руках китабфуруша²⁰ или другого лица, которые за незначительное вознаграждение охотно дадут ее на подержание, но воспользоваться для занятий книгою чьей-либо библиотеки — весьма трудно. Доступ в них для ференги²¹ окончательно закрыт; еще можно добиться при рекомендации и настоятельных просьбах влиятельных лиц; человек же, который во всех мелочах предоставлен самому себе, кроме любезного отказа, ничего не встретит. Благодаря этому обстоятельству пишущий эти строки до сих пор только питается слухами о библиотеках разных величин и достоинств, не имея возможности посмотреть на все сокровища этих книгохра-

¹⁸ Муаллима — преподавание.

¹⁹ Муаллим — учитель.

²⁰ Китабфуруш — книготорговец.

²¹ Ференги — европеец, иностранец.

нилищ собственными глазами. Я не теряю, однако, надежды и при моих единичных стараниях проникнуть в kitabханэ²² при мечети, строящейся в настоящее время в Тегеране на средства покойного сипехсалара²³ Мирзы Хусейн-хана. Коллекцию, как мне говорили, в 8000 рукописей он составил главным образом из книг покойного И'тизад ус-Салтанэ Али Кули-мирзы, младшего сына Фетх Али-шаха. Незначительная часть перешла к его наследникам, в частности к Абдус-Семед-мирзе, женатому на дочери царевича, часть, по обыкновению Востока, была неизвестно кем расхищена, остальные же книги купил сипехсалар за 15 000 туманов и, прибавив к ним манускрипты, приобретенные от других лиц, составил таким образом драгоценную библиотеку для колоссальной мечети²⁴. В настоящее время книги покоятся в мешках в ожидании окончания постройки. Брат сипехсалара, министр юстиции Мушир эд-Доулэ (Яхья-хан), заведующий постройкой мечети и имуществом Мирзы Хусейн-хана, замечательно внимательный ко мне и предупредительный, обещал мне показать библиотеку и даже разрешил в ней заниматься. Насколько последнее, т. е. разрешение, более чем заурядная персидская любезность, — я сказать не могу до тех пор, пока предо мною на самом деле не раскроют заповедных дверей, чего я ожидаю со дня на день. Не столь драгоценной, как библиотека сипехсалара, но во всяком случае заслуживающей внимания является kitabханэ Сани уд-Доулэ²⁵. Это издатель пустой тегеранской газеты «Иран», громко именующийся везирем изданий и собственного Его Величества драгоманата... Все это везирство над издаваемыми книгами заключается, кажется, во взимании с каждого издания установленного побора натурою и деньгами и в приложении печати. Всякий, желающий пустить книгу в обращение, обязан представить упомянутому везиру два экземпляра ее и уплатить 2 крана (около 70 к. с.)²⁶ независимо от ее содержания, объема и числа напечатанных экземпляров, за исключением тех случаев, когда напечатанная книга будет Кораном, который оплачивается теми же двумя экземплярами, но уже тремя (3) туманами²⁷. После этого на книгу накладывается печать с изображением Льва и Солнца и словами... («рассмотрено»), которая, так сказать, разрешает

²² К и т а б х а н э — библиотека.

²³ С е п а х с а л а р — военачальник, полководец, главнокомандующий.

²⁴ Эта мечеть называется мечеть Сепасалара.

²⁵ Сани од-Доуле; см. о нем некролог В. А. Жуковского «Мухаммед-Хасан-хан (И'тимад ал-сальтанэ)» (ЗВОРАО, т. X, вып. 1—4, 1897, стр. 187—191).

²⁶ к. с. — копеек серебром.

²⁷ Т у м а н = 10 кранов.

книгу, но отнюдь не гарантирует ее от изъятия из обращения. Выбор натурою дал возможность Сани уд-Доулэ составить очень порядочную библиотеку печатных книг, не говоря о рукописях, которые он тщательно собирает через своих агентов. Остается только сожалеть, что «везирь» — человек, получивший очень приличное образование, ученый, ревностный издатель, в душе поклонник реформ, «молодой» перс, более чем кто-либо другой, сторонится европейцев благодаря тому только, что слишком близко стоит к Шаху. Предоставляя себе уведомить Факультет о рукописях названных библиотек своевременно, я теперь препровождаю список новейших персидских литографий. Считаю нужным заметить, что в него не вошли издания, указанные Дорном в его (Каталоге²⁸. — П. Б.), а также литографии, которыми обладает библиотека нашего университета. Я не ограничился в списке исключительно персидскими литографиями, т. е. тегеранскими и тавризскими (остальные города, в том числе и Исфагань, нельзя брать в расчет, потому что в них книгопечатного дела совсем нет никакого), но включил в него и индийские издания (бомбейские) потому, во-первых, что они составляют весьма значительный процент в здешних книжных лавках, а во-вторых, потому, что Индия по преимуществу издает диваны персидских поэтов в полном объеме, а не в извлечениях; наконец, бомбейские издания как по наружной чистоте, так и по исправности текста стоят неизмеримо выше тегеранских и тавризских. В списке моем есть отдел литературы сказочной и детской... на который я должен обратить внимание. В первоначальных персидских училищах... [мектабхане] обучаются по преимуществу дети мужского пола, и только в некоторых можно встретить девочек, но они долго не остаются: достигших десятилетнего возраста родители спешат взять под свое крыло. Главная цель — обучение чтению и письму. Всюду принятым и распространенным учебником служит... [„эмме-е джозв“] иначе называемый... [„пандж аль-мохаммед“]. Это один из тридцати джузвов²⁹ Корана — последний, содержащий все коротенькие суры. Вначале приложен «алифба»³⁰. Прочтя эту книженку, мальчик получает Коран, который поглощает с самого начала, поглощает в смысле простого чтения, потому что содержимое остается непонятным. После того переходят к чтению книг легкого удобопонятного содержания, вроде,

²⁸ «Catalogue des ouvrages arabes, persans et turcs, publiés à Constantinople, en Egypte et en Perse, qui se trouvent en Musée Asiatique de l'Académie. St. Petersbourg, 1866».

²⁹ Джозв — часть, деталь, а также 1/30 часть Корана.

³⁰ А л и ф б а — алфавит.

напр. ...[«Муш ве Горбе»] соч. Убейда Заканского (Закан — деревня недалеко от Казвина). Эта побасенка пользуется большой популярностью, и редко можно встретить ребенка, женщину, мужчину, которые не помнили из нее стихов. Можно не знать многого и очень важного, но не знать... [«Муш ве Горбе»] — стыдно и непозволительно! Курс чтения подобного рода книг растягивается на 3—4 года, после чего имеющие возможность продолжать дальнейшее образование переходят в медресе, прочие же берутся за какое-нибудь ремесло, иногда становятся мирзами³¹ и пр. Таким образом, исключительно соками этой «детской» литературы питается значительная часть персидского населения...»³².

Прожив в Тегеране 15 месяцев, после «подготовительного периода», Жуковский выехал с женой Варварой Александровной в Исфаган и прибыл туда во второй половине сентября 1884 г. Здесь за 18 месяцев³³ Жуковский выполнил большую часть своей научной работы, ради которой был командирован в Иран.

При этом интересно отметить, что ни учителя Жуковского, ни он сам не очень верили в возможность найти новый материал по диалектам. В востоковедной науке того времени укоренилось мнение, что исследования таких русских и западноевропейских востоковедов, как Березин, Дорн, Жаба, Лерх, Мельгунов, Росс, Ходзько, Юст и других, исчерпали вопрос о диалектах и их труды «надолго, если не навсегда, останутся капитальными...». Жуковский писал: «Я сильно усумнился, чтобы в этой области мои будущие поиски могли увенчаться успехом»³⁴, еще и потому что маршрут лежал «по большой и самой обыкновенной, избитой караванной дороге... Тегеран, Исфагань, Шираз...»³⁵. Однако это неправильное представление опроверг сам Жуковский. Он пришел к выводу, что Иран в отношении диалектов персидского языка «представляет из себя такое золотое дно, которое много лет еще будет давать неистощимый и вечно новый материал исследователям»³⁶.

В Исфагане, а отчасти и в Ширазе, где Жуковский пробыл

³¹ Мирза — в данном случае — писец, секретарь.

³² Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 17, ед. хр. 10—а/427, л. 86—94.

³³ Из Исфагана в Шираз Жуковские выехали 21 марта 1886 г. (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 10. — Письмо к Розену от 15. IV. 1886).

³⁴ В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий*, ч. I, СПб., 1888, стр. 1.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. II.

только полтора месяца³⁷, им был собран материал в несколько раз больший, чем потребовалось ему для защиты в 1888 г. докторской диссертации.

Возникает вопрос, почему Жуковский, сомневаясь в успехе задания, все же поехал в Иран. Мы полагаем, что у Жуковского была вторая тема исследования — изучение фольклора и других видов народного творчества. Известно, что Жуковский в первую поездку в Иран собрал богатый материал, который после дополнительного сбора им сведений во вторую поездку в Иран летом 1899 г. был издан в 1902 г.³⁸ Это была блестящая работа, за которую автор получил большую золотую медаль Российского географического общества.

То, что исследовательская работа Жуковского по наречиям с первых дней пребывания в Иране переплеталась с изучением образцов народного творчества, — видно из его письма к Розену от 5 января 1885 г., в котором он сообщал, что заканчивает работу над переводом 1000 стихов бахтиарского наречия: «На мой взгляд, этого совершенно достаточно как для того, чтобы составить верное понятие о народном творчестве бахтиаров, так и для того, чтобы ознакомиться со строем бахтиарского наречия»³⁹.

Только общаясь с населением, прислушиваясь, о чем и как говорил народ, можно было изучать народные диалекты. Метким словом, остроумной поговоркой, злой пословицей, острым стихом и язвительной сатирой отвечал народ на произвол и деспотизм господствующего класса, протестуя против тяжелых условий и несправия. Жуковский собирал произведения народного творчества, классифицировал их; он пришел к выводу об огромном литературно-художественном богатстве этого творчества. Так, уже к концу своего первого пребывания в Иране Жуковский давал восторженную оценку художественной стороне произведений народного творчества. Он утверждал, что «подобных (сивендским)⁴⁰ прелестных произведений» он нигде не встречал⁴¹. Несколько позже, к 1903 г. Жуковский полностью оценил и другую сторону этих произведений — социально-политическую. Он писал, что так называемая парадная художествен-

³⁷ В Ширазе Жуковские прожили с 6 апреля до 27 мая 1886 г. (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 14, 16).

³⁸ [В. А. Жуковский], *Образцы персидского народного творчества. Песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания. Собрал и перевел В. А. Жуковский*, СПб., 1902.

³⁹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, л. 1.

⁴⁰ Сивенд — селение в районе Шираза.

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 16.

ная литература изображала в розовых тонах неприглядную иранскую действительность, «справедливость шаха, изобилие плодов земных...», тогда как народные литературные произведения изображают жизнь «правдиво, без всяких прикрас...»⁴².

В 1885—1902 г. Жуковский опубликовал ряд статей, освещающих современную жизнь народов Востока. Однако он не ограничился этим. Подготавливая к печати первую часть своих «Материалов...» для защиты докторской диссертации, он поставил вопрос о допуске его в архив Азиатского департамента Министерства иностранных дел для работы над изучением донесений русских посланников «при дворе шаха о голоде 70-х годов, бывшем в Персии»⁴³. 13 мая 1887 г. Жуковский получил это разрешение, но воспользовался ли он им — неизвестно. Ни в письмах, ни в материалах, оставшихся после Жуковского, не обнаружено следов его работы в архиве. Известно лишь, что Жуковский переводил таснифы⁴⁴ из коллекции Н. В. Ханыкова, среди которых были и таснифы об этом голоде. Возможно, что Жуковский, изучая в Иране в 1883—1886 г. произведения народного творчества, в которых говорится об этом огромном стихийном бедствии, хотел найти ему подтверждение в документах русских дипломатических работников в Иране.

Занимаясь изучением образцов народного творчества, Жуковский отступил от традиций русских востоковедов, исследовавших в основном древнюю и средневековую историю и культуру Востока. Жуковский не только лингвист-филолог старой классической школы русского востоковедения, ученик К. Г. Залемана и В. Р. Розена, И. Н. Березина и других, но и новатор в науке, возведший в степень научного исследования народное творчество. Он отмечал: «Персидское народное творчество, интересное в отношении языка, формы и содержания, остается до настоящего времени областью совершенно необследованной и неизвестной»⁴⁵. Единственный из востоковедов, писал Жуковский в 1902 г., который работал в этом направлении, был Ходзько, однако им в «Образцах народной поэзии...»⁴⁶ «элементу чисто персидскому уделено самое незначительное место... без персидского оригинала, только в переводе»⁴⁷, тогда как

⁴² В. А. Жуковский, *О чертах современного положения в Персии в ее литературных произведениях* (ЗВОРАО, т. XVI, вып. 1, 1904, стр. XVI).

⁴³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 64.

⁴⁴ Тасниф — романс, песня, рассказ в стихах о событиях, зачастую злободневных.

⁴⁵ В. А. Жуковский, *Образцы персидского народного творчества*, стр. 1.

⁴⁶ «Speciment of the popular poetry of Persia», London, 1842.

⁴⁷ В. А. Жуковский, *Образцы персидского народного творчества*, стр. 1.

«мои образцы, — продолжал Жуковский, — исключительно персидские»⁴⁸. К этому можно добавить, что материалы о народном творчестве Жуковского отличаются богатством, разнообразны по форме и содержанию, прекрасно обработаны и систематизированы.

Ученик Жуковского А. А. Ромаскевич, исколесивший почти весь Иран, писал, что Жуковский первый начал систематически собирать народные произведения Ирана не как вспомогательный материал к иранской филологии, а как образцы народной словесности, выражающей «характерные черты быта и воззрений персидского народа...»⁴⁹.

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать следующие выводы.

Первая поездка Жуковского в Иран в 1883—1886 гг. оказала большое воздействие на формирование его как ученого-ираниста.

Жуковский первый обратил внимание на высокую художественную форму народных произведений Ирана и на правдивое отображение в них социально-политических и бытовых сторон жизни народа.

Материалы по наречиям персидского языка легли в основу докторской диссертации, которая в 1888 г. была опубликована в виде первой части «Материалов для изучения персидских наречий». Эта работа принесла ему европейскую известность.

Жуковский первый применил способ сплошного, по районам (полосам) изучения наречий персидского языка.

Вопреки установившемуся в востоковедной науке мнению, Жуковский доказал, что в Иране народ говорит на многочисленных диалектах, а литературный язык является языком только привилегированных классов и больших городов.

Таковы далеко не полные результаты поездки Жуковского в Иран.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ А. А. Ромаскевич, В. А. Жуковский и персидская народная поэзия (ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4, 1921, стр. 415).

ИСПРАВЛЕНИЕ

На стр. 123 6 строка сверху напечатано «народов Востока» вместо «народов Ирана».

Зак. 707